

С. О. Горяев

Наречение и номинирование как проблема отношения ономастики и ономасиологии

Ономасиология и ономастика как самостоятельные, неприкладные разделы лингвистики теоретически оформляются в отечественном языкознании примерно в одно и то же время – в 70-е гг. XX в.¹ Сами термины показывают близость этих наук, если не в предмете, то в сфере интересов: и в том и в другом содержится отсылка к *онома* – имени. Ономасиология является наукой об именах (хотя и нарицательных, и собственных), и ономастика является наукой об именах (хотя и собственных, а не нарицательных). Во множестве работ по ономасиологии имена собственные привлекаются, как минимум, в качестве иллюстративного материала, а ономастические исследования зачастую обращаются к номинативной проблематике для более подробного описания специфики того или иного онимического разряда.

Еще большей корреляция ономастики и ономасиологии становится в том случае, когда под номинацией понимается создание не любых единиц языка, а только единиц, не обладающих предикативностью². С нашей точки зрения, именно наличие/отсутствие предикативности отличает языковую номинацию от речевой, которая не приводит к созданию новых языковых единиц. Такое разграничение выводит ономасиологию из плена коммуникативной парадигмы языкознания³. Номинация может быть включена в акт коммуникации, но может существовать и отдельно от него (являясь, например, частью гносеологического процесса, не направленного на коммуникацию непосредственно).

Но именно ономастическая номинация трудно поддается определению и описанию. Проприативная номинация оказывается слишком далека либо, наоборот, неотличима от номинации апеллятивной. «Совпадение» возможно лишь в первом приближении к ономасиологической проблематике, при об-

---

¹ Ср.: Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973; Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977; Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977.

² См., например: Фоменко Ю. В. Является ли предложение номинативным знаком языка // Дериация и номинация в русском языке: Межуровневое и внутриуровневое взаимодействие. Омск, 1990. С. 86–99.

³ Далее мы укажем, в чем видится опасность коммуникативного подхода к ономастическому материалу.

шем взгляде на проблему. В этом случае и имя собственное, и имя нарицательное следует рассматривать как языковой знак, обладающий, со всеми оговорками и уточнениями, денотатом и сигнификатом. Особенностью онома является только дополнительная смысловая и функциональная нагрузка – индивидуализация.

При более детальном описании моделей проприативной номинации возникают почти непреодолимые препятствия в силу специфики имени собственного как языковой единицы, что вынуждает ученых разрабатывать такие модели, в которых учет внеязыковых факторов и параметров приобретает все более важное значение. Например, М. В. Голомидова указывает, что «концепт онома не тождествен лексико-грамматической категории имени собственного»⁴. Поэтому становится возможным появление концепций, в которых номинация и создание собственного имени вообще рассматриваются как явления разного порядка.

В частности, М. Э. Рут было предложено разграничение процессов наречения и номинирования: «Специфика каждого из указанных актов видится в двух параметрах. Во-первых, наречение в отличие от номинации, которая может носить спонтанный характер, всегда социально маркировано, т. е. включает в себя элемент социального договора. Во-вторых, наречение реализуется как оформление уже обработанного плана содержания, в то время как номинация осуществляется как часть познавательного процесса, предполагающего вербализацию нового знания об объекте. <...> Таким образом, можно представить себе следующие позиции, определяющие возникновение имени: естественная номинация с последующим входом одного из вариантов имени в узус; естественная номинация с последующим наречением объекта; искусственная номинация с последующим наречением объекта; собственно наречение вне номинативного процесса. Имя собственное может возникнуть в результате только тех из перечисленных процессов, которые связаны с наречением»⁵.

На наш взгляд, автор, описывая специфику создания собственного имени, с одной стороны, исключает многие случаи присвоения имени собственного из сферы теории номинации и, возможно, ономастики в целом. С другой стороны, есть ряд случаев, подпадающих под эти два критерия, но не являющихся наречением, например процесс создания термина.

---

⁴ Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998. С. 15.

⁵ Рут М. Э. Номинация, наречение и имя собственное // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 4. Екатеринбург, 2003. С. 121, 124.

В первом приближении мы можем считать процесс создания термина номинативным актом в традиционном, широком понимании языковой номинации, хотя возможно, что не все специалисты-терминоведы согласятся с этим. Факту внеязыковой действительности (научному понятию) присваивается имя – слово, репрезентирующее его в языке. И к этому процессу вполне применимы оба предложенных М. Э. Рут критерия. Во-первых, возможность спонтанного создания термина маловероятна. Многие народные термины, возникшие в естественном языке, например, названия болезней, деревьев, пород животных и т. д. не обладают в полной мере важной для термина чертой – системностью, связанностью строго определенными отношениями с другими терминами. Этот факт (хотя и не только он) мешает признать их настоящими терминами. Социальный договор, влияющий на выбор слова для номинации понятия, несомненен, более того, во многих науках эксплицитно существуют более или менее строгие правила создания нового термина. Во-вторых, несомненна обработанность плана содержания при создании термина – термин обозначает готовое понятие, сложившееся в рамках целой науки или отдельной научной работы. Присвоение имени научному понятию – не часть познавательного процесса, а знак того, что познавательный процесс завершен.

М. Э. Рут приводит в качестве примера наречения слово *газ*⁶. На первый взгляд, такой факт показывает, что процесс создания термина является частным случаем наречения. Действительно, в лингвистике известно сопоставление терминов и собственных имен. Их объединяет принадлежность к специальным разрядам лексики и, тем самым, противопоставленность основному массиву слов. Объединены они и преувеличенной номинативностью, в ущерб другим функциям языковой единицы. Различие состоит в том, что для семантики имени собственного денотативная соотнесенность гораздо важнее сигнификативной. У термина же связь с понятием, сигнификатом является базовой для образования значения, а отношение к денотату является вторичным, побочным (собственно говоря, вопрос о денотативной составляющей термина является не менее спорным, чем вопрос о понятийной составляющей имени собственного).

Возвращаясь к слову *газ*, отметим, что оно возникает почти как собственное имя для названия конкретного объекта, но, попадая в систему терминов, встраивается в системный ряд как название определенного класса веществ или агрегатного состояния вещества (в данном случае это наречение).

---

⁶ См.: Рут М.Э. Номинация, наречение и имя собственное. С. 124.

Затем из научной терминологии оно, в связи с распространением в обществе научных знаний и в силу бытового применения различных газов, попадает в бытовую коммуникацию. Наконец, в русском языке появляется эргоним *ГАЗ* – аббревиатура от *Горьковский автомобильный завод*. Это – официально принятое сокращенное название, полное первоначально выглядело как *Горьковский автомобильный завод имени В. М. Молотова*, т. е. было использовано не автоматическое сочетание первых букв, а сознательно отобранный комплекс, скорее всего не случайно совпавший со словом *газ* (онимическая номинация и даже имятворчество). Другими словами, созвучие эргонима и апеллятива не только не показалось номинаторам препятствием для введения в узус эргонима *ГАЗ*, но даже учитывалось ими в ассоциативном плане (ср. шоферское *жми на газ* и т. п.). В дальнейшем эта же аббревиатура *ГАЗ* стала товарной маркой (ситуация наречения), сменив более раннюю *ЗИМ*.

Таким образом, оказывается, что наречение способно производить языковые единицы, во многом полярные по значению и функции.

Почему назрела необходимость в разграничении наречения и номинирования или хотя бы в уточнении ономаσιологического статуса собственного имени? На наш взгляд, проблема коренится в особенности его значения.

По сути дела, стержнем номинации, на котором держится весь процесс создания названия-имени, является выбор мотивировочного признака. Именно он дает возможность проследить связь между внеязыковой действительностью и языковой единицей. Собственно говоря, ономаσιология отделяется от синхронного словообразования потому, что пытается различить движение мысли носителя языка, скрытое за образовавшейся в языке формально-содержательной связью производного и производящего слова. Мы видим проявление этого признака во внутренней форме слова или в контексте, в котором употребляется новая номинативная единица. Часто мы догадываемся о его существовании, можем сами реконструировать мотивировочный контекст. Оценка свойств объекта и выбор признака для отражения в названии – важнейший шаг процесса номинации.

Между тем создание собственных имен, на первый взгляд, лишено этого важного шага в осмыслении номинации. Ядром ономастического пространства, несомненно, являются антропонимы. В русском же языке нет традиции связывать официальное имя человека, дающееся ему при рождении (а не бытовое, уменьшительное, либо прозвище), с какими-либо его свойствами, качествами, реальными или желаемыми (в отличие от имен типа *Хитрая Лисица*, *Быстроногий Олень*, *Соколиный Глаз*). Мы выбираем имя из списка достаточно произвольно, хотя и существует набор приемлемых, санкционированных обществом собственных имен и правил их присвоения.

То же наблюдается в зоонимии. Ср.: горожанка-дачница привезла своей соседке, деревенской жительнице, щенка: «Посмотри, какой бойкий, прямо огонь... и черный весь. Назови его Уголек». – «Нет, так не называют. Пусть Шарик будет». В данном случае традиция не принимает номинации, основанной на мотивировочном признаке.

Аналогично этому и в периферийных областях ономастического пространства существует определенный круг, набор если не имен, то номинативных моделей. Например, такой набор моделей складывается в бурно развивающейся сейчас коммерческой номинации (эргонимы, товарные знаки и т. п.). В этой сфере особенно сильно проявляется индивидуальность, субъективность номинатора, имятворчество. Тем не менее выбор ограничен и здесь – для некоторых моделей номинации существует своя, иногда достаточно узкая сфера применения. Даже если оставить в стороне случаи явной языковой некомпетенции (благотворительный фонд *Фобос*, набор чайной посуды *Тет-а-тет* на четыре персоны, салон ритуальных услуг *Кадавр* и т. п.), выход за установленные рамки рассматривается обществом скорее отрицательно, о чем свидетельствуют, например, заметки и статьи, появляющиеся в самых разных периодических изданиях. Например: «А что продают в магазине «Яркий мир»? Нет, не лампы-люстры, а парфюмерию и косметику. ...А в магазине «Мадонна», наоборот, продают... люстры. Им бы по-дружески поменяться названиями»⁷.

Не случайно у екатеринбургского магазина тканей *Троица* появилось новое название *Мир текстиля*, более соответствующее общественному представлению о том, какая номинативная единица приличествует магазину.

Таким образом, при рассмотрении проблемы создания собственных имен «пробуксовывает» традиционный механизм номинации (или научные представления о таковом?). Поэтому появление концепций, в которых противопоставляются процессы наречения и номинации, вполне закономерно. Более того, это может стать дополнительным основанием для принципиального разграничения лексики и ономастики (как совокупности собственных имен). С другой стороны, слишком радикальное выведение целого класса или даже нескольких классов языковых единиц из сферы номинации, резкое противопоставление номинации и наречения приведет к тому, что придется дробить процесс номинации на ряд мало связанных ситуаций, выделяя отдельный вид создания языковой единицы для каждого разряда слов.

---

⁷ Матвеева А. А. Как вы яхту назовете, так она и... Некоторые мысли по поводу «урбанизмов» // Витта. 1998. № 19. С. 18.

Противопоставление номинации и наречения, поддерживающее разграничение ономастики и лексики и, в свою очередь, поддерживающееся им, ставит под сомнение программное определение ономастиологии как «науки о номинации»⁸. Ведь тогда имена собственные – самый «номинативный» разряд номинаций – оказываются не совсем словами, не совсем объектами ономастиологии. Напомним, что «Лингвистический энциклопедический словарь» определяет ономастиологию в широком смысле как науку, изучающую репрезентацию в языке внеязыкового содержания, а в узком смысле – как науку о создании лексических единиц языка⁹. По сути дела, мы выходим здесь на центральную проблему лингвистики – что такое слово. В настоящей статье ономастиология понимается именно в узком смысле, поскольку номинация в нашем представлении противопоставлена предикации. В широком же смысле термина *ономастиология*, как уже отмечалось, снимается не только проблема разграничения номинации и наречения, но и вообще противопоставление между собственными и нарицательными именами.

В этом плане показательны крайние тенденции коммуникативного подхода к языковому материалу. Несколько утрируя, принцип коммуникативной лингвистики можно сформулировать так: «у слова не существует значения вне коммуникации», а еще короче – «слов на самом деле не существует». См., например: «“Языкового” вербального феномена не существует вне коммуникации, т. е. всех тех отношений, которые возникают между порождающим речь человеком, всегда пребывающем в осознанном им дискурсе, и адресатом, которого он мыслит и к которому он обращается. <...> Соответственно, любой “естественный” лингвистический материал представляет собой нечто интегрированное в коммуникативную ситуацию, – интегрированное непременно и всегда. ...Так называемого лексического (семантического) значения у отдельно взятой лексемы не существует... то, что представляется в качестве значения всякому носителю языка при “изолированном” назывании слова, есть представление о некой коммуникативной ситуации, предполагающей использование данного слова»¹⁰.

Возвращаясь к проблеме наречения и номинации, укажем, что, на наш взгляд, наречение можно вполне рассматривать как разновидность номина-

---

⁸ Голев Н. Д. Ономастиология как наука о номинации // Русское слово в языке и речи. Вып. 2. Кемерово, 1977. С. 13–23.

⁹ См.: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 345.

¹⁰ Вдовиченко А. В. Лексема (слово) в дискурсивной парадигме описания языка // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихвинского Богословского института: Материалы 2001. М., 2001. С. 325, 335.

ции при следующем понимании специфики имени собственного. Какими бы сложными ни были современные теоретические концепции лексического значения онима, все они приходят к выводу о том, что центральным, смыслообразующим моментом для имени собственного является индивидуализация объекта¹¹.

Если мы принимаем наличие лексического значения у имени собственного, снимается основное противопоставление наречения и номинации. Как утверждает М. Э. Рут, «целый ряд моделей, традиционно признаваемых номинативными, можно считать моделями наречения, если в процессе их создания исключен познавательный импульс, предполагающий учет в имени свойств объекта»¹². Но при создании собственного имени основной познавательный импульс оказывается направлен на осознание уникальности объекта и основным свойством последнего является выделенность, противопоставленность его ряду подобных (родители подбирают имя именно для своего ребенка). Списочный выбор, который осуществляется в таких случаях – это не замена познавательного процесса, а влияние языкового фактора на номинацию, поскольку процесс выбора – это уже и есть в определенном смысле процесс познания. В конце концов, и при «чистой» номинации мы ограничены техническими возможностями языка и языковой компетенцией субъекта. Аналогично категория проприативности, присущая не всем языковым единицам, задает в сознании субъекта номинации список онимических моделей и накладывает ограничение на проявление его субъективности.

Итак, выделение наречения как отдельного вида языковой деятельности человека представляется весьма продуктивным для описания специфики собственных имен. Но более необходимым, на наш взгляд, является рассмотрение наречения не как антитезы номинативной деятельности, а как ее отдельного вида.

---

¹¹ Ср.: «Общая категориальная семантика (имени собственного. – С. Г.) вырастает из его противопоставленности апеллятиву. Онома выступает в роли языкового сигнала, способного через языковую абстракцию передавать идею индивидуального обозначения отдельного объекта» [Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. С. 18–19].

¹² Рут М. Э. Номинация, наречение и имя собственное. С. 124.